

АНТРОПОНИМИКА ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ КРЕПОСТИ

А. И. Конюченко,

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

С началом деятельности Оренбургской экспедиции в 1735 г., организованной по инициативе И. К. Кирилова, начинается восстание башкир. Для успешного решения поставленных задач приходится строить опорные пункты на пути следования обозов с продовольствием к месту строительства Оренбурга. Первыми из возведенных в 1736—1737 годах становятся крепости, получившие названия Чебаркульская, Миасская, Челябинская, Еткульская. Первыми жителями этих крепостей стали в основном крестьяне, записанные в казаки. Состав населения был зафиксирован переписями, которые были проведены в 1739—1740 гг. В данной статье рассматриваются мужские и женские имена, фамилии, прозвища. Антропонимические характеристики обладают значительным герменевтическим потенциалом. Приводится состав имен первых жителей Челябинска, степень их популярности. Для сравнения дается аналогичная информация о ситуации в других крепостях. Также рассматривается состав фамилий первых жителей Челябинской крепости, их происхождение, условное деление на группы. Дается сравнение с антропонимическими характеристиками других регионов России.

Ключевые слова: Челябинская крепость, Южный Урал, фамилии, имена, отчества, прозвища.

Материалы переписи населения Челябинской (и других крепостей, построенных в 1736—1737 годах) были выявлены И. В. Дегтярёвым в РГАДА. Перепись проводилась в декабре 1739 — апреле 1740 г. В эти крепости определяли в основном крестьян, которых записывались в казаки.

Частично эти материалы (по Челябинской крепости) были впервые опубликованы в 1996 г. [3]. Затем они выходили в полном виде, включая другие южноуральские крепости, основанные в 1736—1737 годах [9]. Авторы публикаций по-разному прочитывали эти документы в антропонимическом плане.

Всего в переписи населения Челябинской крепости указано 414 человек положенных в подушный оклад, 178 не положенных, малолетних и 455 женского полу. 183 человека показано в качестве глав семей.

Мужской именной список первых жителей Челябинска по главам семей, упоминаемых в переписи первыми, состоит из 78 имен. Самым популярным было имя Иоанн, его носило 19 человек. На втором месте стояло имя Федор (10). Третье место делили Петр и Яков (по 8). Далее шли Семен (7), Василий и Степан (по 6), Алексей и Сава (по 5).

В Чебаркульской и Еткульской крепостях была схожая картина. Наиболее популярными в трёх поколениях были имена Ивана — 38, Василия — 20, Григория — 20, Фёдора — 18, Максима — 12, Михаила — 11, Петра — 11. Самым популярным было имя Иван — 7,7% мужчин носили его [5, с. 8 — 14].

Имя Иван было настолько популярным, что встречались не только Ивановы Ивановичи, но даже дети в одной семье с одинаковыми именами. «Пётр Яковлев сын Попов... У него... дети: Алексей девяти, Иван шести, Иван же трёх...» [11, с. 188]. Впрочем, такая же повторяемость встречается и у другого имени. «Андрей Федоров сын Сырвачев... У него... дети: Федор двадцати, Матвей семнадцати, Федор восьми» [11, с. 188].

Наиболее редкими мужскими именами челябинцев, внесенных в перепись, были Луп (Лупп), Юда (Иуда), Иев (видимо, Иов).

Православный женский именной список Челябинской, Чебаркульской и Еткульской крепостей выглядел следующим образом. Наиболее распространёнными именами среди жительниц трёх южноуральских крепостей были, причём с большим отрывом от остальных, Мария — 39, Анна — 40, Параскева — 49, и за явным преимуществом — Евдокия — 65 (9,6%). Т. е., каждую десятую женщину, девушку, девочку звали Дуня [6, с. 71—81].

Мужские имена жителей Челябинской крепости имеют незначительные искажения по сравнению с канонической формой, написаниями, принятыми на сегодняшний день: Василей, Григорей, Ефтефей, Афонасей, Иев.

Женские имена, зафиксированные в переписях Челябинской, Чебаркульской и Еткульской крепостей, имеют больше отклонённых от канонической формы, искажённых вариантов, чем мужские.

Ксения-Аксинья-Аксенья-Оксенья-Аксенья-Ксения; Евфимия-Афимья-Офимья-Офима; Ирина-Арина-Орина-Илина; Евфросинья-Опросинья-Опросинья-Евросинья-Апросинья; Параскева-Парасковья-Парасковья-Перасковья-Перасковья; Евдокия-Авдотья-Авдатья-Овдотья-Овдота.

Именной список Челябинской крепости указывает на то, что населённый пункт был моноконфессиональным — 100% первоначальных жителей были крещеными православными людьми, имена которых фигурировали в святцах.

Хотя во второй половине XVII в. в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси были в ходу нехристианские имена, к которым иногда добавлялись отчества и фамилии. Например, Вихорко, Друган, Дружина (часто), Докука, Горностаи, Ждан (очень часто), Замятня (несколько раз), Иголка, Износок, Истома и др. В высших слоях также фигурировали

нехристианские имена: Шаврук Муравьев, Путило Нечаев, Лазутко Жидовин, Нелюб Аксенов, Совет Самылов, Ураз Макаров и др. [13, с. 8—9].

Даже среди духовных лиц в XVII в. встречались нехристианские имена: Шестой, Шумило, Богдан, Щербак [13, с. 16].

В Чебаркульской и Еткульской крепостях, в отличие от Челябинской, в отмеченной переписи были зафиксированы Калина и Венедихт Оханов. Один человек, по-видимому, не знал своего крещёного имени (или переписчик не знал христианского имени Каллиник), поэтому был записан как Калина. Другой назвал с ошибкой своё имя и отчество — Венедихт Оханов. Если с именем понятно, то с отчеством сложнее. Похожее имя встречается в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови», его носит главная героиня. Возможно и другое объяснение. Венедикту Оханову на время переписи было 90 лет, поэтому он, возможно, неправильно назвал своё отчество, или его отец, также, как и Калина, фигурировал в миру под именем Охан. Сам Венедикт был родом из-под Соликамска. Возможно его отец родился в городке Оханск, тоже стоявшем на берегу Камы и был известен сыну по неофициальному имени.

Вероисповедание участников переписи не оговаривается по причине его очевидности. Хотя, с другой стороны, встречаются имена искаженные и употребляемые в быту.

Уменьшительных форм имен, таких как Андрушка, Митька, Олешка, Ермачко, Катеринка, Марьица, Овдотьица не встречается.

В целом всё это свидетельствует о выходе нехристианских имен из обихода и установлении православного именованослова. Прозвища, фигурировавшие как имена, трансформировались в фамилии, о которых речь ниже.

* * *

Христианские имена указывали на связь земной и небесной церкви, но ничего не говорили об их носителях. Большую информацию об этом способны дать фамилии (прозвища), которые еще в то время не стали постоянным атрибутом антропонимики в среде крестьян и казаков. Но указывали на значимую информацию об их носителях или их ближайших предках.

Всего в челябинской переписи населения названо 183 главы семейств и содержится 138 фамилий. (Хотя, естественно, в крепости могло проживать и большее количество людей). Большинство фамилий встречается по одному разу. Следует учитывать, что фамилии могут быть прочитаны по-разному, исходя из особенностей почерка переписчика и восприятия исследователем.

Укажем фамилии, встречающиеся более одного раза. По два раза: Вешняков, Волков, Завьялов, Иевлев, Коновалов, Кочешков (или Кочетков), Невзоров, Панов, Сметанин, Соколов, Чипышев, Шилов. По три: Дудырев, Розипин, Стариков. Четыре раза встречаются Воронин, Казанцов и Попов.

Повторяющиеся фамилии иногда указывают, скорее всего, на родственников. Например, фамилию Дудырев носили Афонасей Дмитриев сын 40 лет,

Яков Дмитриев сын 35 лет [3, с. 76] и Федор Дмитриев сын 22 лет [3, с. 78].

Условно фамилии первых челябинцев (с точки зрения получения информации исследователем) можно разделить на следующие группы: 1) не поддающиеся объяснению, 2) подлежащие возможному объяснению, 3) явного или достаточно прозрачного указания этимологии.

1) Часть фамилий, которые не удалось расшифровать или найти более-менее правдоподобное объяснение происхождения: Костровской (кострец — сорная трава [1, с. 160], Патысьев (возможно, финно-угорского происхождения), Розипин, Тюлебаев (возможно, тюркского происхождения или от тюбка, тюпка — крошка, тюря из хлеба с квасом [1, с. 328], Шиярин.

2) Некоторые фамилии, поддающиеся возможному объяснению.

Баландин (баланда — бездельник, шатун, ботва, ботвинья). Позже слово стало использоваться в тюремном жаргоне для обозначения супа, дававшегося в заключении.

Букандин (бука — пугало, нелюдимый человек).

Божаткин (возможно от слова божиться).

Бухарин не имеет никакого отношения к Бухаре, где в то время нога русского человека почти не ступала. Бухарой называли запольный участок перелога, покосный участок в лесу или низкий сорт пакли [1, с. 58].

Фамилия Варлаков скорее происходит от имени Варлаам, но может быть и от слова варнак — беглый каторжник, беглый, бродяга. Но скорее всего — первый вариант, если допустить следующие варианты подобных словообразований: Ермак — Ермаков, Варлак — Варлаков, Устюг — Устюгов.

Вешняк — очень распространенное прозвище, от которого происходит фамилия Вешняков [1, с. 67]. Непосредственная связь с весной не вызывает сомнений. Могло означать и ветер, и дорогу, и скотину и гидротехнические термины.

Антропоним Дружина был достаточно распространенным, служил именем и фамилией. В нашем случае он фигурирует в статусе фамилии Дружинин.

Заварухин и Замятин, видимо от заварухи и замятни. Замятня — смута, замешательство, вьюга, метель [1, с. 120].

Звягин, возможно от звяга — собачий или лисий лай, звяга — нелепые речи (зап. рус.), звягливый — бестолковый крикун [1, с. 121].

Иевлев, по-видимому, фамилия, данная по отчеству носителя. От имени Иов, которое в искаженном виде фиксировалось как Иев.

Кетьтюзов или Кетютюзов, скорее всего от кеть — пестрядина, полосатая ткань [1, с. 139].

Корюков. Возможно от крюка, а возможно и от девки — корюка [2, стб. 438].

Телминов (или Тельминов). Возможно, от теллюй — розиня, рохля, глуповатый [1, с. 314], или от телепень — увалень, повеса, шалун, или от тельмить — толковать.

3) Состав «прозрачных» фамилий можно условно разделить в свою очередь на несколько

групп, назвав их по этимологии: от отчества; «профессиональные»; от места выхода, малой родины; «продуктовые»; «ботанические»; «зоологические»; отдельно можно выделить «птичьи»; «гардеробные»; «пейзажно-ландшафтные»; обусловленные особенностями внешнего облика; и «характерно-поведенческие».

1. **«Отечественные»**, образованные от имени отца. Обращает внимание прежде всего то, что в списке жителей Челябинска отсутствуют фамилии на букву «А»: нет Андреевых, Алексеевых, Александровых и других. Хотя имена на букву «А» есть. Они записаны следующим образом: Аверьян, Авдей, Алексей, Андрей, Аника, Антипа, Арефей, Арсен, Афонасей.

Других фамилий, образованных от отчеств предостаточно: Герасимов, Дмитриев, Лукиных, Максимов, Парфентьев, Петров, Селиванов (если принять, что от имени Силуан). Но фамилии, на которой, как говорится, Россия держалась и держится, тоже нет. Ни одного Иванова, хотя имя Иван было вне конкуренции.

Это заставляет предположить, что какие-то обстоятельства, определявшие прозвище, были сильнее.

2. **«Профессиональные»** фамилии достаточно разнообразны. Красилников, Попов, Пастухов, Шилов, Кожевников, Плотников, Мельников, Расторгуев, Рыболов, Коновалов, Кузнецов.

Носители фамилии Попов, видимо, утратили связь с духовным сословием в результате разборов духовенства — пересмотра штатов с целью сокращения численности сословия и перевода его в податное [4, с. 307—339].

Что касается фамилий духовенства южноуральских крепостей Исетской провинции 1740—1750-х годов, то они в большинстве были традиционными, общерусскими [12, с. 71; 7, с. 297—301], поскольку еще не оформилась система духовно-учебных заведений, благодаря которой появляются специфические «семинарские» фамилии, отличающиеся духовенство от других сословий.

3. **От места выхода с территории прежнего проживания, малой родины** образованы следующие фамилии, которые в некоторых случаях нуждаются в пояснении. Ярославцев, Волгин (волжанин), Уржумцов (Уржум — город Вятской земли, известный с XVI в., входил в состав Казанской губернии), Колмогорцов (скорее, это вариант от фамилии Холмогорцев, Холмогоры — город Русского Севера), Кунгурцов (Кунгур был передан из Сибирской губернии в Казанскую), Казанцов, Пермяков, Устюжанин (Устюжна — город Русского Севера).

4. **«Продуктовые»**. Сметанин, Шаньгин.

5. **«Ботанические»**. Березин, Калинин.

6. **«Зоологические»**. Кобелев, Медведев, Волков.

7. **«Птичьи»** оказались многочисленнее предыдущей группы. Воронин, Курицын, Соколов, Орлов, Куликов, Жаравлев (возможно, Журавлев).

8. **«Гардеробные»** фамилии скуднее всех других групп. Можно было предположить, что здесь окажутся Кафтанов, Лаптев, Онучин и Сапожников,

но на деле лишь одна фамилия — Епанечников (епанча — плащ или накидка без рукавов).

9. **«Ландшафтные или пейзажные»**. Поляков (вряд ли от польской национальности, иначе был бы тогда Ляхов, скорее от поля), Согрин (согра — заболоченная низменность, поросшая мелкоколесьем), Мысов, Загуменной (гумно, ток для обмолота зерновых).

10. **Подчеркивающие особенности внешнего облика**. Невзоров (невзор — невзрачный), Угрюмов (похожие фамилии — Угрим, Угрюмов), Плешков, Кудрин, Беляев, Синеглазов, Сивов.

11. **От черт характера, поведения**. Смирной, Смирнов, Смирных (в XV—XVII в. Смирена было распространённым прозвищем, преимущественно женским), Шумилов, Суетин, Гуляев, Гневашев, Завьялов (вьялица — метель, вьюга, завьяло — вялый человек [1, с. 118]), Окулов (окул — плут, обманщик, продувной, хвостун [2, стб. 1731]).

К этой же категории отнесем фамилию Клещев. Вряд ли она образована от насекомого. Поговорка «вцепился как клещ» указывает на такую поведенческую черту характера как прилипчивость, неотвязчивость.

* * *

Для выяснения особенностей человеческого материала, оказавшегося в Челябинской крепости, нужно посмотреть пошире. Для сравнения, обратимся к антропонимическому кругу, собранному на более широком пространстве и относящемуся к периоду по XVII век включительно.

А. И. Соколов пользовался делопроизводственной документацией Среднего Поволжья (Казанского и Нижегородского края) [10].

Н. М. Туликов — опубликованными источниками, охватывающими Северо-Восточную и Юго-Западную Русь [13].

С. Б. Веселовский работал в архивах и библиотеках и собрал материал по антропонимике (ономастике) в основном Северо-Восточной Руси. Так сказано в предисловии [1, с. 4], но на деле самим автором говорится и о Северо-Западной Руси (например, «очень распространено в Новгородской области и вообще в Северо-Западной Руси» [1, с. 76], «зап. рус.» [1, с. 109, 121]). Данный ономастикон охватывает практически все социальные слои — от князей и бояр до посадских людей и крестьян [1].

В этих материалах-словарях обращает на себя внимание обилие прозвищ-фамилий, указывающих на:

— неприятные, непривлекательные черты характера, неуважительное отношение к тому, кто получил такое прозвище (алахарь, булыч, фефела, хима, урюпа, шушлепа, шушера, бобыня, еропа);

— грубые (возгривый, рожа, рожа онучная, ропа — сукровица);

— бранные (болван, балда, дундык, дурак, баранья голова);

— уничижительные: «вдова Федорка Елисеева дочеришко Ивановская женишка» [10, с. 3—4];

— пренебрежительные: гнида, гнус, живуля (вошь, блоха) [1, с. 78, 80, 114];

— насмешливо-ироничные клички: Высокие Щи, Подсеки Корова, Овсяной Разум, Помойная Каша [10, с. 5].

В целом, в совокупности их можно назвать нелицеприятными.

Одними из самых неблагозвучных фамилий в современном понимании в XVII веке были Блудов, Блядков [8, с. 649], образованные от слов блуд, блудить. Корень этих прозвищ, ныне неприличное слово, относящееся к обсценной лексике, имел значение, восходящее к словам — болтун, пустомеля, пустая болтовня, ложь, ересь [14, с. 195].

В Челябинской крепости не было таких красивых фамилий, как Зима, Весна, Иней... Но не было и совсем неблагозвучных, таких как Попка, Гнида, Вошь, встречавшихся в других регионах России.

Литература и источники

1. Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. — Москва : Наука, 1974. — 382 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — 3-е изд. — Т. 2. И—О. — Санкт-Петербург ; Москва : Тов-во М. О. Вольф, 1905. — 2030 стб.

3. Дегтярев, И. В. Челябинская старина : сб. ст. и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII — середина XIX века) / И. В. Дегтярев. — Челябинск, 1996. — 120 с.

4. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени Петра / П. В. Знаменский. — Санкт-Петербург : Коло, 2003. — 800 с.

5. Конюченко, А. И. Православный именной перво-поселенцев южноуральских крепостей в 1730-е годы (на примере Чебаркульской и Ектульской крепостей) / А. И. Конюченко // Гороховские чтения : материалы

IV регион. музейной конф. — Челябинск, 2013. — С. 8—14.

6. Конюченко, А. И. Православный женский именной южноуральских крепостей в 1739—1740 гг. (на примере Чебаркульской, Ектульской, Челябинской крепостей) / А. И. Конюченко // Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность и перспективы развития. — Челябинск, 2016. — С. 61—71.

7. Любимов, А. Г. О деятельности Чебаркульского духовного правления 1744—1750 гг. (по материалам Тобольского и Шадринского архивов) / А. Г. Любимов // Культура — искусство — образование : материалы XXXIX науч. практ. конф. науч. пед. работников ин-та. Челябинск : ЧГИК, 2018. С. 296—301.

8. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / подг. текста и вст. ст. К. В. Петрова. — Санкт-Петербург, 2001. — 808 с.

9. Поздеев, В. В. Первопоселенцы Челябинской области / В. В. Поздеев ; публ. Ю. А. Ургиной, О. А. Щетковой. — URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/tojaelektronnajagazeta-6.shtml.

10. Русские имена и прозвища в XVII веке. Собраны А. Соколовым. — Казань : Тип. имп. ун-та, 1891. — 16 с.

11. Самигулов, Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / Г. Х. Самигулов. — Чебаркуль ; Челябинск, 2011. — 278 с.

12. Самигулов, Г. Х. Из истории Челябинска / Г. Х. Самигулов. — Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск : Каменный пояс, 2015. — 140 с.

13. Туников, Н. М. Словарь древнерусских личных имен / Н. М. Туников. — Санкт-Петербург, 1903. — 861 с.

14. Юрганов, А. Л. Из истории табуированной лексики / А. Л. Юрганов // Одиссей. Человек в истории, 2000: история в сослагательном наклонении. — Москва : Наука, 2000. — С. 194—206.

Поступила в редакцию 8 июня 2020 г.

КОНЮЧЕНКО Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: konan6262@mail.ru.

DOI: 10.14529/ssh200304

ANTHROPONYMIC RESEARCH ON THE FIRST INHABITANTS OF CHELYABINSK FORTRESS

A. I. Konyuchenko, konan6262@mail.ru,
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

At the beginning of the Orenburg Expedition, which was organized in 1735 at the initiative of I. K. Kirilov, the Bashkir uprising began. Therefore it was necessary for the construction of Orenburg to build strongholds on the way of food convoys going to the place of the future city. Chebarkul'skaya, Miasskaya, Chelyabinsk, Yetkul'skaya fortresses — the first stronghold which were erected in 1736—1737. The first inhabitants of these fortresses were mostly peasants, recorded in the Cossacks. The composition of the population was fixed by the censuses, which were conducted in 1739—1740. This article analyzes male and female names, surnames and nicknames. Anthroponymic characteristics have significant hermeneutic potential. The article contains the composition of the names of the first residents of Chelyabinsk and analyzes the degree of their popularity. For comparison, similar information is given about the situation with names in other fortresses. Author of the article has also studied the composition of the first inhabitant's names in Chelyabinsk fortress, their origin and conditional division into groups. There are comparisons with the anthroponymic characteristics of other Russian regions.

Keywords: Chelyabinsk fortress, Southern Urals, surnames, names, middle names, nicknames.

References

1. Veselovskij S.B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii. M.: «Nauka», 1974. 382 s.
2. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4-h t. 3-e izdanie. SPb — M.: tov-vo M.O. Vol'f, 1903 — 1911. T. 2. I — O. 1905. 2 030 stb.
3. Degtyarev I.V. CHelyabinskaya starina. Sbornik statej i materialov po istorii CHelyabinska rannego perioda (30-e gody XVIII — seredina XIX veka). CHelyabinsk, 1996. 120 s.
4. Znamenskij P.V. Prihodskoe duhovenstvo na Rusi. Prihodskoe duhovenstvo v Rossii so vremeni Petra. SPb.: izdat dom «Kolo», 2003. 800 s.
5. Konyuchenko A.I. Pravoslavnyj imennik pervoposelencev yuzhnoural'skih krepostej v 1730-e gody (na primere CHEbarkul'skoj i Etkul'skoj krepostej) // Gorohovskie chteniya. Materialy IV regional'noj muzejnoj konferencii. CHelyabinsk, 2013. S. 8 — 14.
6. Konyuchenko A.I. Pravoslavnyj zhenskij imennik yuzhnoural'skih krepostej v 1739 — 1740 gg. (na primere CHEbarkul'skoj, Etkul'skoj, CHelyabinskoj krepostej // Provincial'nyj gorod v mezhdisciplinarnom issledovatel'skom prostranstve: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya. CHelyabinsk, 2016. S. 61 — 71.
7. Lyubimov A.G. O deyatel'nosti CHEbarkul'skogo duhovnogo pravleniya 1744 — 1750 gg. (Po materialam Tobol'skogo i SHadrinskogo arhivov) // Kul'tura — iskusstvo — obrazovanie: materialy XXXIX nauch. Prakt. konf. nauch. ped. rabotnikov in-ta. CHelyabinsk: CHGIK, 2018. S. 296 — 301.
8. Opisi arhiva Razryadnogo prikaza XVII v. Podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya K.V. Petrova. SPb., 2001. 808 s.
9. Pozdeev V.V. Pervoposelency CHelyabinskoj oblasti. / Publikaciya YU.A. Urginoy, O.A. SHCHetkovej. URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml
10. Russkie imena i prozvizhcha v HVII veke. Sobrany A. Sokolovym. Kazan': tip. imp. universiteta, 1891. 16 s.
11. Samigulov G.H. Ot Dalmatova monastyrya do CHEbarkul'skoj kreposti. CHEbarkul' — CHelyabinsk, 2011. 278 s.
12. Samigulov G.H. Iz istorii CHelyabinska. Kniga 1. Krepost' i provincial'nyj gorod s 1736 po 1781 god. CHelyabinsk: Kamennyj pojas, 2015. 140 s.
13. Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskih lichnyh imen. SPb., 1903. 861 s.
14. YUrganov A.L. Iz istorii tabuirovannoj leksiki // Odissej. CHElovek v istorii. 2000. M.: Nauka», 2000. S. 194 — 206.

Received June 8, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Конюченко, А. И. Антропонимика первопоселенцев Челябинской крепости / А. И. Конюченко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2020. — Т. 20, № 3. — С. 27—31. DOI: 10.14529/ssh200304

FOR CITATION

Konyuchenko A. I. Anthroponymic research on the first inhabitants of Chelyabinsk fortress. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 3, pp. 27—31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200303
